

С. И. НИКОЛАЕВ

КАК И ЗАЧЕМ СУМАРОКОВ ПЕРЕПИСЫВАЛ СВОИХ СОВРЕМЕННИКОВ

А. П. Сумароков всегда стремился быть в гуще литературной жизни, отважно вступал в литературные споры и полемики, принимал участие в литературных состязаниях и живо откликался на события литературной жизни. В истории состязаний и переводов, столь ярко проанализированных Г. А. Гуковским в известной статье «К вопросу о русском классицизме. (Состязания и переводы)» (1928), Сумарокову по справедливости отведено важное место. Г. А. Гуковский впервые, как кажется, в отечественной науке дал исчерпывающий обзор литературных споров середины XVIII в. Но его интерес к этим состязаниям был обусловлен не просто рассмотрением литературной жизни и литературных полемик самих по себе. После обозрения поэтических состязаний Г. А. Гуковский перешел к обобщающим выводам, относящимся к природе русского классицизма. Его статья так и называется — «К вопросу о русском классицизме». Его выводы надолго вошли в литературоведческий обиход и хорошо известны, однако кратко их напомним. «Общий смысл всех этих соревнований, в которых были противопоставляемы не личные дарования, не индивидуальности мастеров слова, а решения проблем, вообще — теоретические и эстетические концепции сами по себе, вне зависимости от взаимоотношений авторов в литературе. Главное здесь то, что произведение, оторванное от своего автора, воспринималось не в связи с его творчеством или с окружением других его произведений, а в связи со своим антагонистом-произведением, и в ряду теоретически осмысленных явлений».¹ «Все это в плане

¹ Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме. (Состязания и переводы) // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 258.

характеристики эстетического мышления данной эпохи указывает на возможность абсолютного эстетического бытия произведения в сознании эпохи, т. е. бытия произведения не проецированного ни на какую индивидуальность, бытия произведения, за смысл и организацию которого не ответствен никакой человек, а ответственно лишь понятие, концепция эстетического же рода». ² «Над всем состязанием тяготеет эта идея единственного и достижимого абсолютного решения эстетической проблемы». ³ «Дело было не в том, кто лучше сделал, а в том, что лучше сделано, т. е. ближе к идеальному решению задачи». ⁴ Перейдя затем к переложениям псалмов и к словесным совпадениям между ними, Г. А. Гуковский отмечает, что «никто, по крайней мере, не обвинял поименованных выше поэтов в литературных хищениях, даже вообще в несамостоятельности труда». ⁵ Это нужно Гуковскому для того, чтобы далее прийти к выводу: «Лучше вполне удачного написать нельзя; если поэту удалось попасть в цель, то бессмысленно менять сделанное, делать наново <...>. Двух решений, в различных смыслах равноценных и несравнимых, не может быть». ⁶

С рядом положений Г. А. Гуковского сейчас согласиться трудно. Например, русская литература XVIII в., в том числе первой половины и середины века, пестрит упоминаниями о литературных «хищениях»: в сатирах и сатирических посланиях, комедиях и эпиграммах, критических статьях и книжных предисловиях или примечаниях, мемуарах и переписке рассеяно множество прямых указаний либо глухих намеков на литературные заимствования, а чаще всего просто кражу чужого произведения или его части. Тут важно другое. В отличие от XIX—XX вв. в XVIII в. разговор о «чужом» и «краденом» чаще всего подразумевал в первую очередь заимствование идеи, плана или «изображений», т. е. *res*, но не *verba* («многих *обокрал*, и *мысли* их *писав*»). И только во вторую очередь «похищение» могло иногда подразумевать и план выражения. ⁷

² Там же.

³ Там же. С. 260.

⁴ Там же. С. 261.

⁵ Там же. С. 269.

⁶ Там же. С. 270.

⁷ См.: Николаев С. И. Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века. (Очерк проблематики) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 3—19.

Принципиальная анонимность состязаний была, конечно, участниками заявлена, но и преувеличивать ее не стоит. Можно полагать, что для узкого круга литературной публики эта анонимность была вполне прозрачна. Так, в 1755 г. Г. Н. Теплов, рассуждая об одном анонимном сочинении, которое он справедливо приписал В. К. Тредиаковскому, заметил: «По сие время все русские стихотворцы персонально нам ведомы».⁸

Роль личных дарований и индивидуальности мастеров слова также нет резона преуменьшать. И как раз пример А. П. Сумарокова тут показателен, особенно его переводы с «русского на русский». По не очень понятной причине Г. А. Гуковский почему-то вообще не обратил внимания на то, что Сумароков, участвуя в состязаниях, иногда переписывал сочинения своих соперников. Правда, он подчеркивает, что «случаи, когда Сумароков вступал в соревнование с другими поэтами, перевода переведенный уже ранее текст, — выходят, собственно говоря, за пределы подлинных состязаний».⁹ Представляется, что Г. А. Гуковский напрасно не придавал этому значения, хотя именно он обнаружил состязательный характер некоторых переводов Сумарокова, обратившегося к тем же самым произведениям, которые уже перевели В. К. Тредиаковский, Н. Н. Поповский и И. В. Шишкин.¹⁰ Однако в наше время, после повсеместного увлечения трудами Ю. Кристевой и Ж. Женетта, не обратить на это внимания просто невозможно.

А. П. Сумароков переписывал как оригинальные стихотворения своих современников, так и переводные. Так, в сентябрьском номере «Трудолюбивой пчелы» было опубликовано его стихотворение «Стихи, сделанные из чужих русских стихов, на победу над пруссаками 12 июля 1759». Оказалось, что он поправил и фактически полностью переписал анонимно опубликованное в журнале «Праздное время в пользу употребленное» (1759. Июль) стихотворение «На преславную победу, полученную российским войском над прусским в Силезии, 12 июля 1759 года». Выяснилось, что автором стихотворения был М. В. Ломоносов.¹¹ Практического смысла в публикации Сумарокова не было ника-

⁸ Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 189.

⁹ Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме. С. 264.

¹⁰ См.: Там же. С. 262—264.

¹¹ См.: Николаев С. И. Неизвестное стихотворение Ломоносова и отклик на него Сумарокова // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 3—7.

кого — победа случилась уже три месяца тому назад, после этого были и более крупные победы русского оружия, но Сумароков не стерпел многочисленные — по его мнению! — огрехи автора и полностью переработал небольшое стихотворение Ломоносова. Кстати, к вопросу об анонимности — для Сумарокова авторство стихотворения не было, конечно, секретом.

В Полное собрание всех сочинений А. П. Сумарокова попало стихотворение «Стихи Ивану Афанасьевичу Дмитревскому». В действительности, как выяснила Р. Г. Бокк, это переделка стихотворения Ф. А. Козловского «Стихи И. А. Дмитревскому, на представление „Синава и Трувора“...».¹² Здесь можно предположить, что Сумароков посчитал, что в стихотворении, связанном с его трагедией и его именем, недопустимо много ошибок и по этой причине переправил его — видна его рука и стиль. Сам Сумароков его не напечатал, а опубликовал его только Н. И. Новиков, вероятно, по списку из архива Сумарокова, который был в распоряжении издателя.

Несколько иначе поступал Сумароков с переводами. В первом мартовском листе журнала «Праздное время в пользу употребленное» за 1760 г. Сумароков напечатал небольшой отрывок «Из Тита Ливия», снабдив примечанием «Из рускаго перевода в стихи преложил. С.». Почему из русского перевода? Потому что латыни он не знал и воспользовался прозаическим переводом Г. В. Козицкого. Этот перевод был опубликован только в 1770 г., но вполне мог оказаться в распоряжении Сумарокова еще в 1759 г., когда Козицкий печатал свои переводы в «Трудолюбивой пчеле». Нет сомнений, что публикация Сумарокова метила в незадолго до этого появившееся стихотворение покойного И. В. Шишкина — монолог жены Кориолана, обращенный к мужу, опубликованный в январе 1760 г. в журнале М. М. Хераскова «Полезное увеселение». Вероятно, Сумароков посчитал ошибкой, что эту речь произносит жена Кориолана, а не его мать, и сам изложил ее по Ливию в переводе Козицкого. При этом Сумароков переложил в стихи прозу Козицкого исключительно точно и без отклонений.¹³

Вот это стремление к точности особенно отчетливо проявилось в отрывке «Перевод из Тилимаха Фенелонова», который

¹² См.: Бокк Р. Г. Неизвестное стихотворение Ф. А. Козловского, приписываемое Сумарокову // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 396—398.

¹³ См.: Николаев С. И. Отрывок «Из Тита Ливия» А. П. Сумарокова // XVIII век. М.; СПб., 2015. Сб. 28. С. 28—33.

впервые был издан Н. И. Новиковым, скорее всего, по списку из архива Сумарокова. Отрывок был написан, вероятно, вскоре после появления «Тилемахиды» (1766) В. К. Тредиаковского. Действовал Сумароков, видимо, так: он опять решил продемонстрировать, как должно переводить. Сумароков работал с текстом «Тилемахиды», постоянно сверяя его с текстом романа Фенелона и убирая из переложения Тредиаковского все, чего не было во французском оригинале, т. е. сама идея какого-то отклонения от оригинала была для него неприемлема, пусть даже речь шла всего лишь о добавленных эпитетах или перифразах. Именно поэтому его переложение на одну треть меньше по объему соответствующего фрагмента «Тилемахиды». Сверяя переложение Тредиаковского с французским оригиналом, Сумароков добивался точности перевода, а редактируя текст «Тилемахиды», он перерабатывал его стилистическое воплощение на русском языке. Переложение Сумарокова более точно передает французский оригинал, оно написано более простым языком и, как справедливо заметил в комментариях к этому переводу П. Н. Берков, «несомненно легче перевода Тредиаковского».¹⁴ Но какова цена этой легкости? В ходе переработки небольшого отрывка из начала «Тилемахиды» Сумароков уничтожил не просто языковое своеобразие Тредиаковского (заменял просторечные обороты, упростил синтаксис и т. д.), а то, что составило главное его достижение, а может быть, и главную его заслугу перед русской поэзией — созданный им русский гомеровский стиль. Но сделал это он так ловко, что исследователи от А. Х. Востокова до Г. А. Гуковского не сомневались в том, что Сумароков самостоятельно выполнил перевод и, по их мнению, гораздо лучше Тредиаковского.¹⁵

В феврале 1760 г. Н. Поповский поместил в «Полезном увеселении» стихотворный перевод трех од Горация, в том числе XIV оды книги II.¹⁶ Сумароков уже через месяц, в мартовском номере «Праздного времени в пользу употребленного», печатает перевод «Из Горация кн. II од. XIV» стихами, тем же размером, что у Поповского.¹⁷ Г. А. Гуковский опять посчитал, что это соревновательный перевод, не обратив внимания — или пренебрегая

¹⁴ Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 575.

¹⁵ См.: Николаев С. И. А. П. Сумароков — переводчик с русского языка на русский // Russian Literature. 2002. Vol. 52. № 1—3. Р. 141—149.

¹⁶ См.: Полезное увеселение. 1760. Февраль. № 6. С. 76—80.

¹⁷ См.: Праздное время в пользу употребленное. 1760. Ч. 3. 11 марта. С. 161—163.

им — на примечание самого Сумарокова: «Преложено в стихи из рускаго перевода».¹⁸ Сейчас известно около 30 русских переводов этой оды, правда выполненных преимущественно в XX веке.¹⁹ Но в 1760-е гг. был только один перевод — Поповского. Следующий русский перевод этой оды, В. В. Капниста, появился только в 1806 г.²⁰ Конечно, нельзя исключать существование неизвестного нам «русского перевода», которым и воспользовался Сумароков, но скорость появления его «преложения» и немногие «родимые пятна», оставшиеся у Сумарокова из стихотворения Поповского, позволяют думать, что Сумароков переправил именно его перевод. На первый взгляд, между переводами Поповского и Сумарокова очень мало общего, ср.:

Поповский

Увы! проходит век крылатый;
Ни святость может воспятить
Морщин и старости горбатой,
Ни смерти алчной умолить.

Чрез триста жертв всяк день Плу-
тона
Неукротимого моли,
Что свел и сильного Самсона
Во преисподняя земли;

Но сколько здесь ни пребываем,
Чрез Стикс всем страшный дол-
жно плыть:
Богат ли, царь ли, всеми ль
знаем,
Раб, нищ, презрен, — всем там
же быть.

Сумароков

Ийти конечно вон из света;
Нельзя пути сего претерть:
Окончатся младая лета,
Приступит старость, люта смерть.

Хотя бы триста ты вседневно
Волов Плутону подносил;
Смягчил ли бы ты сердце гневно,
Чтоб рок тя Смертный не ско-
сил?

Печальной держатся водою,
Им Титий там и Герион,
И вечной связаны бедою,
Оттоле не исходят вон.

Волна сия всех обща доле;
Весь род наш ону проплывает,
На гордом ли кто здесь престоле,
Иль в бедной хижине живет.

¹⁸ Там же. С. 163.

¹⁹ См.: Античная поэзия в русских переводах XVIII—XIX вв. Библиографический указатель / Сост. Е. В. Свиясов. СПб., 1998. С. 289. Все русские переводы этой оды представлены на сайте: <https://horatius.ru>.

²⁰ См.: Капнист В. В. Опыт перевода и подражания Горациевых од / Изд. подгот. А. О. Дёмин. СПб., 2013. С. 83—84.

Напрасно браней мы страшимся,
Свирепых в море бурь бежим,
В осенний с полдня ветр боимся,
Несущий вред телам людским.

Увидим черны, мутны реки,
И Данаев проклятый род,
И Сизифа, к трудам навеки
Что осужден, конца не ждет.

Оставить землю, дом с женою,
Сады, что сам ты возрастил,
Во гроб не пойдут за тобою;
Коль мало ты владыкой был!

Хранимы питья сто замками
Наследник лучший разочнет:
Вино лить будет под ногами,
Какого в праздник жрец не пьет.

Напрасно, Марса ненавидим,
Страшимся Адриатских вод,
И телу с отвращеньем видим,
Осенних Австра вред погод.

Сизифа узрим лютость рока,
Данаев род безчестьем полн:
Не преминуем мрачна тока,
И дремлющих Косита волн.

Страну, дом, чад, жену оставим,
Не снидут купно с нами в низ:
Ни сад дерев, чем дух забавим;
Лишь только снидет кипарис.

Хранимы вина сто замками,
Наследник выпьет и прольет,
Какая бережно, руками,
Первосвященник пить берет.

Несмотря на все отличия, о связи переводов говорят и немногие «родимые пятна», оставшиеся у Сумарокова из стихотворения Поповского. Так, в последней строфе:

Поповский

Сумароков

Хранимы питья **сто замками**
Наследник лучший разочнет.

Хранимы вина **сто замками**,
Наследник выпьет и прольет.

Ни в одном из последующих русских переводов таких лексических совпадений в этом же порядке нет. Нет резона приводить другие мелкие совпадения, хоть и характерные, но которые можно счесть случайными или обусловленными латинским оригиналом. Но не все так просто. Перевод Сумарокова больше на одну строфу перевода Поповского, и ей есть соответствие у Горация, т. е. очевидно обращение к латинскому оригиналу. Отдельные слова латинского оригинала точнее переданы у Сумарокова, например: Поповский — «с полдня ветр», Сумароков — «Австра», Гораций — *austrum* и т. д. Видимо, Сумароков поступил с переводом Поповского так же, как с «Тилемахидой» Тредиаковского, — он правил стиль перевода Поповского, сверяя точность перевода с латинским оригиналом. Но вот латыни-то он не знал! Вероятно, он опять прибегнул к помощи латиниста Г. В. Козицкого, с которым тесно сотрудничал в эти годы. Не исключено,

что столь пристальное внимание к этому переводу было вызвано тем обстоятельством, что Поповский был учеником Ломоносова, и уже это давало Сумарокову повод для литературной полемики. Его нисколько не смутило и не остановило то обстоятельство, что Шишкин уже давно скончался, а Поповский умер незадолго до публикации переделки Сумарокова, буквально за пару недель. Сомнительная дань памяти ушедшим соратникам по писательскому цеху.

Необходимо отметить, что связь переводов Поповского и Сумарокова была очевидна и для современников. В экземпляре журнала «Полезное увеселение» (1760. Февраль) из библиотеки Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН на полях против двух первых строф Поповского приписаны две первые строфы перевода Сумарокова (шифр: 61 3/23; без указания авторства). Сличение разнотчений с «Полным собранием всех сочинений»²¹ показывает, что эти две строфы переписаны из «Праздного времени в пользу употребленного», видимо, сразу после выхода журнала. Это редчайший случай читательской реакции на состязание. К сожалению, никакой оценки переводов в записи нет, только сопоставление.²²

Г. А. Гуковский считал, что «единое произведение-состязание принадлежит сразу всем авторам составивших его пьес и, конечно, никому из них; оно, вообще, не имеет автора, т. е. его восприятие не предполагает некоего смутного фона — носителя, фона личности, на которую хотя бы условно проецируется всякое откровение пьесы, напр. лирическое признание».²³ Однако из приведенных примеров видно, что картина не выглядит столь благостно. Сумароков вовсе не состязался с другими поэтами и переводчиками, давая свой вариант, как было в 1743 г. при действительно независимом переложении 143-го псалма. В 1750—1760-е гг. он решительно, придирчиво и очень тщательно правил чужой текст, придавая ему стилистически узнаваемый сумароковский облик, недаром исследователи не сомневались в оригинальности и самостоятельности его трудов. Поэтому Сумароков с полным основанием ставил свою фамилию под этими переделками — это были плоды его пера и его труда, труда упорного

²¹ См.: *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. М., 1781. Ч. 2. С. 193—194.

²² Эти строфы обнаружила Н. Д. Кочеткова и опубликовала их в кн.: *Поэты XVIII века.* Л., 1972. Т. 1. С. 579.

²³ *Гуковский Г. А.* К вопросу о русском классицизме. С. 258.

и стоившего автору многих сил. И этой своей индивидуальностью он подавлял другие индивидуальности. Как представляется, «переложения» Сумарокова должны внести коррективы в наше представление об эстетике русского классицизма, в том числе и в концепцию Г. А. Гуковского.